

ВИКТОРИЯ УШИНСКЕНЕ

Вильнюсский университет

Русские наименования внутренних органов живых существ (из опыта групповой реконструкции)

В связи с активизацией работ по реконструкции праславянского лексического фонда все большее значение приобретает изучение отдельных тематических групп словаря, направленное на выявление общих семантических и морфологических закономерностей развития. До недавнего времени недостаточно изученной оставалась народная терминология, связанная с обозначением внутренних органов живых существ, что и побудило автора данной статьи выбрать в качестве предмета изучения именно этот лексический пласт. Интерес автора подкреплялся рядом специфических черт данной тематической группы, а именно — компактностью и устойчивостью ее реального плана: внутренние органы относительно немногочисленны, их количество и анатомия фактически не подвержены изменениям, следовательно, особенности развития соответствующей лексики не связаны с изменениями в сфере реалий и определяются в первую очередь внутриязыковыми механизмами. В данной статье объектом исследования стали наименования, обозначающие совокупность внутренних органов живых существ. Исследование проводилось на материале старорусских памятников письменности, а также диалектных, толковых и исторических словарей русского языка с учетом славянского фона.

По данным памятников и словарей удалось выявить более 50 подобных наименований. Примерно пятую часть этой лексики составляют названия, которые могут относиться как к человеку, так и к животным: *брюха́, вну́тренности, живото́й, нутро́, нутрь, нутро́ба, нутре́, нутрени́я, нутерь, нутир, нузи́но, утроба́, утрьник, черева́, ятра*. Более многочисленны специфические обозначения внутренностей животных, функционирующие, как правило, в качестве кулинарных наимено-

ваний: *аксён* 'внутренности рыбы'; *бандура* 'внутренности животного', *бброшень* 'потроха', *брюховица* 'потроха', *бурдюк* то же, *бутьарь* то же, *вбхат(ь)* 'внутренности коровы, птицы', *выпорок* 'ливер', *выпороток*, *выпоротки* 'внутренности животных непригодные в пищу', *гусь*, *гусак* 'ливер', *гусятник* 'внутренности гуся', *изббй* 'внутренности животных непригодные в пищу', *кабарга* 'потроха', *кнеля* 'часть внутренностей животных, подобная круглому пирогу', *кóкыш* 'внутренности рыбы', *коренец* 'потроха крупного рогатого скота', 'овечий ливер', *ксень*, *ксёни*, *ксеньё* 'внутренности рыбы', *кúкша* то же, *ливер*, *лёвер*, *макса* 'рыбы потроха', *мелузь* 'мелкие внутренности животного', *мúторность* 'внутренности убитого животного', *нутрёц*, *нутрина* 'потроха', *осёрдые* 'потроха, ливер', *осёрек* 'потроха', *осёрье*, *падробки* 'потроха гуся или утки', *площенник* 'вареный ливер', *пóтрах*, *потроха́*, *пóтрахи*, *потраховины*, *потрошина* 'потроха', *пóтрых(и)* 'внутренности животных и рыб', *приббр* 'голова, ноги и внутренности животного, убитого на мясо', *пузровина* 'брюшина, потроха', *рахманки* 'внутренности рыбы', *сбой* 'гусак с рубцом, все черева', *требу́х[а]*, *требушина*, *трибу́х*.

Ряд исторических названий из первой подгруппы представляют собой обозначения синкретического характера, конкретное значение которых — 'живот', 'утроба', 'желудок', 'кишки', 'внутренности' — реализуется в контексте. Так, в некоторых памятниках в качестве обобщающего названия внутренностей используется слово *утроба*: *Како мощно живу быти челоуьку суцу... всю утробу свою погубившу сирьчь печень, плуочо, селезень и вся кишки* [Карт. СлРЯ XI–XVII вв.]. В диалектах в том же значении отмечается вариант *нутроба* (нижегор.) [Карт. СРНГ], а также *нутрб*, *нутир*, *нутерь* (тамб., твер.) с протетическим *н-* [СРНГ 21, 317]. В некоторых случаях значение 'внутренности' выражается с помощью грамматического показателя — формы мн. числа, в то время как форма ед. ч. имеет значение 'живот, утроба'. Таковы лексемы *брюха́*, *животы́*, *черева́*, *ятра* 'внутренности'.

Часть изучаемых терминов представляют собой суффиксальные производные от названий живота. К числу подобных образований относятся продолжения древней основы **ǫtr-*: др.-рус. *утръник(ы)* 'внутренности, черева' < **утр-* + *-ьн-ик-* (ср. *Оуница закалана баше и вса съжагакма баше съ главою же и съ кожею и оутръники* [Изб. XIII в. — Срезн. III, 1318], а также основной термин *внутренности* (ср. в той же функции славянские соответствия: болг. *вътрешности*, польск. *wnętrzności*, чеш. *vnitřnosti* и др.). В диалектах отмечены также назва-

ния внутренностей животных, образованные от основ со значением 'живот, утроба'. Таковы лексемы *брюхо́вица* < *брюх-* + *-ов-* + *-иц(а)*; *нутре́ц* < (н)у*т*р- + *-ец-*; *нутри́на* < (н)у*т*р- + *-ин(а)*; *пуздрови́на* < пуз(д)р- + *-ов-ин(а)*, *пузи́но* < пуз- + *ин(о)*: ср. *Солянка с нутриной, нутрецам; Пуздровину-то вынь* [Карт. СРНГ]. В некоторых случаях наименования данного типа подверглись нерегулярным фонетическим преобразованиям: так, свердл. *му́торность* 'внутренности убитого животного' возникло, по всей видимости, в результате контаминации лексемы *внутренность* с прилагательным *му́торный*, ср. также новосиб. *му́трренность* 'живот, брюшная полость' [СРНГ 19, 33].

Однако подавляющее большинство названий, значение которых можно определить как 'внутренности, потроха', представляют собой самостоятельные образования. Анализ этой лексики представлен ниже.

Требуха

В современном литературном языке слово *требуха* известно как обозначение внутренностей убитого животного [БАС 15, 858]. В том же значении данное слово и производное на *-ин-* *требуши́на* приводятся в словарях XVIII–XIX вв. [Целлар. 533, 1771; САР VI, 767]. В "Материалах" Срезневского [III, 993] отмечен вариант *трибухъ*, значение которой определяется как 'требуха, брюшные внутренности': *Се азъ штилучъ вамъ рамо и искидаѣж трибухъ лютомыи на лица вашия* (σκορπιῶ 'ἐνὸςτρον 'εἰλί τα πρόσωπα 'ῥιμον...), 1047 г. Более широкая семантика представлена в диалектах: *требуха* — 'внутренности', 'рубец (желудок) у жвачных' [Даль IV, 427]; *требу́х* — 'живот, брюхо', 'желудок' (брян., прибалт.), 'желудок животного, в котором засаливают внутреннее сало' (брян.), 'кишки', 'рубец, брюшина' (пск.), 'желудок свиньи' (новосиб.) [Карт. СРНГ]. В псковских и тверских говорах это слово известно также в переносном значении 'обжора'.

Неполногласная форма *требуха* указывает на заимствование из церковнославянского [ср.: Порохова 1988, 51–52]. Даль [IV, 427] соотносит его с рус.-цслав. *требѣти* 'очищать, отделять негодное', толкуя само *требуха* как 'брюшные черева, от коих очищается... туша битой скотины'. Образования с полногласным *тереб-*, широко представленные в русских говорах, характеризуются кругом значений, производных от 'драть, дергать, очищать': ср. *теребить* 'очищать лен от кострицы' (арх., ленингр.), 'ощипывать птицу' (арх., волог.); *тэреб* 'место, очищенное от зарослей', 'холощенный жеребец' (сев.); *терэбка* 'потасовка'; *теребушки* 'чесалки для прочеса хлопка, шерсти' (зап.) [Карт. СРНГ].

С другим вариантом корня отмечено пск. *тербушійть* ‘дергать, рвать, тормошить’ [Даль IV, 400]. Таким образом, можно предполагать, что внутренняя, глубинная семантика лексемы *требуха* — ‘то, что вычищается, отходы’ (ср. диал. *отреби, отрэбыиш* ‘отходы от чесания льна’). Такое понимание внутренней формы поддерживается семантикой соответствующих славянских глаголов: ср. укр. *теребіти* ‘чистить, шелушить’, болг. *трѣбя* ‘очищаю, корчю’, с.-хорв. *тријѣбити* ‘очищать’, чеш. *třibiti* ‘просеивать, очищать’, в.-луж. *trjebić* ‘кастрировать’ и др.

Слово *требух(а)* имеет общеславянское распространение, однако в значении ‘внутренности’ оно отмечено лишь на восточнославянской территории (ср. укр. *трибух*, блр. *требу́х*). Соответствия в других славянских языках характеризуются семантикой ‘живот’, реже ‘желудок’: болг. *търбух* ‘желудок, живот’, с.-хорв. *трбух* ‘брюхо’, словен. *trēbuih* то же, *třebucha, terbuch* ‘брюхо’, польск. *trybuch, terbuch, telbuch* ‘живот, брюхо’ [Фасмер IV, 96]. Без суффиксального оформления отмечены укр. *тѣреб* ‘брюхо’ [Фасмер, там же] и с.-хорв. *тѣба* ‘пузо, брюхо’ [Skok III, 493]. В сочетании с суф. *-on-j(a)* эта основа представлена в с.-хорв. *třbonja* ‘толстопузый, толстобрюхий’ [Skok, там же].

Сложным моментом остается реконструкция праславянской формы, поскольку славянские соответствия имеют различия в структуре корневой морфемы (ср. выше обозначения с *treb-, trib-, trb-*). Одно из решений данной проблемы принадлежит Л.В. Куркиной, считающей, что в данном случае следует говорить о трех апофонических вариантах одной основы: с гласным в полной степени, в степени редукции и в нулевой степени [Куркина 1988, 273–277]. Исходная форма соответствующих обозначений живота и требухи восстанавливается как **terb-ухъ/ *tǣrb-ухъ*, т.е. как производное с суф. *-ух-* от основы **terb-/ *tǣrb-* ‘терebить, чистить’ (ср. отглагольное **кѣбухъ* ‘живот, внутренности’ с тем же суффиксом). Иерархия семантических отношений определяется следующим образом: ‘терebить, чистить’ > ‘то, что вычищается’ > ‘требуха’ > ‘то, что наполнено требухой’ > ‘брюхо, живот’.

Иную реконструкцию предлагает Э. Хэмп, возводящий название требухи к праформе **tǣrb-br’ухъ* ‘внутренний живот’ (intestinal belly) [Namp 1984–1985, 88–89]. О.Н. Трубочев считает более вероятной праформу **trь-br’ухъ*, которая также предлагалась в работах Э. Хэмпа. Начальное *trь-* рассматривается как усилительная приставка-числительное, присутствующая, например, в сложениях *тръгубь* ‘тройной’, *тръножь* ‘треножник’ и др. Таким образом, семантика реконструкции **trь-br’ухъ* интерпретируется как ‘тройное брюхо’ [Фасмер IV, 858: дополнения О.Н. Трубочева].

Восстановление праславянской формы затруднено также из-за отсутствия точных лексико-семантических соответствий в индоевропейских языках. Известно предположение о родстве славянского слова с лат. *strebula* 'мясо на бедрах жертвенного животного' [Фасмер IV, 96]. Такое сопоставление возможно лишь в случае признания первой этимологической версии, то есть в случае возведения славянских обозначений требухи к основе **terb-/ *tǫrb-*. Именно эта версия представляется нам наиболее вероятной на фоне выявленных в ходе анализа семантических моделей, характерных для данной лексической группы.

Потроха

Форма ед. ч. *пóтрох* 'внутренности животных' часто встречается в поздних памятниках [Дм. XVI в.; Флор. экон. XVIII в.], а также присутствует в лексиконах XVIII в. [Целлар. 392, 1771; Вейсман 230, 1731]. В древних источниках это слово не зафиксировано. Развернутое толкование слова *пóтрох*, мн. *пóтрохи*, *потрохá* приводится в словаре Даля [III, 359]: 'внутренность животных, черева, но головные исключаются, грудные редко встречаются, более же брюшные'.

По говорам значение этого слова может быть более узким, специальным: на побережье Белого моря так называют внутренности, кишки рыбы, на территории Казахстана — внутренности птиц. В некоторых говорах данное слово может употребляться по отношению к человеку: ср. *Отбить кому-л. потроха* [Карт. СРНГ]. На севере отмечены формы с преобразованием коренного *-о-* в *-у-* (возможно, под влиянием слова *трухá*): *потру́х* 'внутренности, кишки промысловой рыбы' (беломор.), *пóтрухи* 'внутренности животных и рыб', а также 'кора и прилегающие к ней слои дерева' (арх., свердл.). Суффиксальные производные в диалектах имеют общее значение 'потроха', напр., *потроши́на* (забайк.), *потрохови́ны* (пск., твер.) [Карт. СРНГ].

Русское слово обнаруживает соответствия только в польск. *patrochy*, причем последнее имеет особое значение 'несъедобные внутренности промысловых животных' [Warsz. IV, 87]. В других языках оно не отмечено.

Можно выделить, по меньшей мере, два подхода к этимологическому истолкованию слав. **potroхь*. Миклошич [Mikl. 233, 352] рассматривает его как префиксально-суффиксальное производное **po-tr-охь* от глагола *тереть* > **terti*. Преображенский [II, 117], Брюкнер [576] и Фасмер [III, 346] связывают слово **potroхь* со слав. **troxa* 'маленький кусочек, мелочь': ср. рус. диал. *трóха*, *трóхи*, *трóшки* 'немного, мало'

[Даль IV, 435], др.-рус. *трошьнъ* ‘мелкий’, *по трошьну* ‘подробно’ [Срезн. III, 1004], а также болг. *троха* ‘крошка, кусочек’, чеш. *trocha*, *trochet* ‘немного’, словц. *trocha*, польск. *trocha*, *trochę* то же [Фасмер III, 345]. Такое понимание внутренней формы слав. **potroхъ* поддерживается семантическими отношениями ‘мелочь’ > ‘мелкие внутренности, потроха’, лежащими в основе некоторых диалектных наименований: ср. брян. *падрóбки* ‘потроха гуся или утки’ [Карт. СРНГ], родственное польск. *podróbki*, *podrób*, *podroba*, болг. *дроб* ‘внутренности’, ст.-чеш. *drob* ‘крошка, малость’, ‘внутренности’ < **drobь(a)* ‘мелочь, малость’, ‘внутренности’ [ЭССЯ 5, 117]; арх. *мѣлузь* ‘мелкие внутренности животного’ [Карт. СРНГ]. Таким образом, существуют реальные основания считать слово **potroхъ* префиксальным образованием от основы **troх-* ‘мелочь’.

Ксень

Это слово, отмеченное в приморских районах и в бассейнах крупных рек, функционирует как региональный термин рыбного промысла: ср. арх. *ксень*, *ксеньѣ* ‘рыбы потроха’, обск. *ксени* мн. ‘внутренности осетра, идущие на приготовление жира’ [СРНГ 15, 372]. В ряде говоров оно служит обозначением рыбьей печени (алт., том., тобол., олон.) или икры (сиб.) [СРНГ 15, 372–373]. С сильными фонетическими преобразованиями (протетическими гласными, изменением корневого *-е-* в *-о-*, а также с отвердением конечного согласного) отмечается вариант *аксѣн* ‘внутренности рыбы’ (дон.) [СРНГ I, 227].

В памятниках письменности слово *ксень* засвидетельствовано только в двух значениях: ‘рыбья (щучья) печень’ (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 8, 100] и ‘молоки крупных рыб’ [Соболевский 1913, 88–89]. В словарях современного литературного языка оно отсутствует.

Славянские соответствия, как правило, служат обозначением желудка: ср. блр. диал. *ксень* ‘желудок у щуки’, чеш. *ksenec* ‘желудок (особенно у некоторых рыб)’, полаб. *t'ěsin* ‘желудок’, ст.-польск. *ksieniec* ‘желудок некоторых рыб’, словин. *ksēñ* ‘желудок’. Значение ‘внутренности рыбы’ характеризует польск. *ksieniec* и словин. *ksině* pl. tant. С другой семантикой — ‘чешуя и прочие отходы у рыбы’ — отмечено словин. *kséne* ср. р. [ЭССЯ 13, 245]. Распространение данного слова ограничено севернославянской территорией.

Слав. **късень*, сближаемое с **кысати* ‘киснуть’, рассматривается как производное с суф. *-ен-* и возводится к и. -е. **кѣйт-с-* ‘кислый, киснувший, портящийся’ [ЭССЯ 13, 246]. Та же основа выступает в другом славян-

ском анатомическом термине — **кузька* ‘кишка’. Исходя из семантики индоевропейской основы, наиболее древним для слав. **къsenь* следует признать значение ‘отходы у рыбы’, откуда могло произойти ‘несъедобные внутренности (рыбы)’ и далее — ‘внутренности’ с последующей конкретизацией — ‘желудок’, ‘печень’ и т.п.

Осердие

Слово, относящееся к кулинарной лексике, засвидетельствовано в памятниках XVI в. как обозначение ливера, внутренностей животных: *осърдие*, *осердие* [Срезн. П, 753]; *осердые* [СлРЯ XI–XVII вв. 13, 86]. С тем же значением оно приводится с САР, а также в БАС [8, 1090]: *Двое бурлаков тащат на палке брюшину, осердие, старую, почти засохшую говядину* (Решетн. “Подлиповцы”).

В диалектах семантический спектр этого слова несколько шире: ‘внутренние органы человека и животного’ (север., арх., енис., том., тамб.); ‘внутренности животного, идущие в пищу’ (волог., ленингр., пск., перм., урал., сиб., тобол., новосиб.) и, напротив, — ‘внутренности животного негодные в пищу’ (арх.) [СРНГ 23, 371]. В некоторых говорах слово *осердие* известно как обозначение конкретных органов — сердца или печени животного (перм. — там же). Более древнюю семантику сохраняет арх. *осердые* ‘сердцевина чего-л.’, ср. укр. *осердок* то же [СРНГ 23, 371; Гринченко III, 66]. В значении ‘потроха’ по говорам отмечены словообразовательные варианты: *осерье* с утратой корневого *-д-* (олон., арх.) [СРНГ 23, 374], бессуффиксальное *осерды* мн. ч. (яросл.) [СРНГ 23, 372], а также производные на *-ек* и *-ин осерек* и *осердинка* [Новосиб. 358, 359].

Русскому слову соответствуют чеш. *osrdi anat.* ‘околосердечная сумка’ и польск. *osierdzie* с широким кругом значений. В старопольских памятниках XV в. это слово отмечено с семантикой ‘орган, расположенный в области сердца’, ‘печень’, а также ‘гнев, злость’ [Sl. str V, 649] (ср. рус. *(о)сердиться*). В современном польском языке *osierdzie* является анатомическим термином, обозначающим околосердечную сумку, однако в диалектах оно может иметь значение ‘легкие, сердце и печень коровы’ [Warsz. III, 845], что соответствует семантике русского слова.

Данное слово имеет прозрачную внутреннюю форму, являясь префиксально-суффиксальным производным на *-ьj(e)* от основы *serd-* < **serd-/sьrd-* ‘середина’, ‘сердце’. В русском языке по той же морфологической модели образован ряд старых существительных, общее значение которых определяется как ‘то, что находится в области данной

части тела': *оплечье, оголовье, ощечье* и т.п. Соответственно, исходным значением лексемы *осердье* может быть 'то, что находится в середине, в области сердца'. Дальнейшее развитие семантики происходило в направлении конкретизации: 'внутренности в области сердца (ливер)' > 'печень'.

Гусак. Гусятник

Гу́сак, реже *гу́сь* — просторечное наименование ливера, которое, судя по данным словарей, широко употреблялось в XIX–нач. XX вв. [Брокг.–Ефр. 9А, 924; Даль I, 40]. О том же свидетельствуют производные: лавки, торгующие потрохами, назывались в народе *гусачными заведениями*, а диафрагма — *гусаковой перепонкой, гусачихой, гусачиной* [Даль I, 410]. В настоящее время слово *гусак* сохраняется как термин мясного производства [БАС 3, 505].

В диалектах фиксируется вариант с другим суффиксом — *гусёк* 'внутренности, потроха убитого животного, ливер' (гамб., пенз., куйб., сарат., урал.) [СРНГ 7, 242]. Толкование, приведенное в словаре Даля [I, 410], проясняет внутреннюю форму данных слов: 'грудной воловий потрох, духовая жила с легкими, сердцем и печенью, по сходству потрохов этих с летящим гусем'. Эти обозначения, основанные на метафоре, известны только русскому языку.

Иной семантический признак — принадлежности — положен в основу еще одного наименования потрохов, производного от *гусь*: *гусятник* 'внутренности гуся'. Это слово, образованное с помощью суффикса *-ят-ник-*, отмечено во владимирских говорах [СРНГ 7, 248].

Слова *потроха, требуха, ксень, осердье* и *гусак* приобрели определенную степень терминологизации в качестве обозначения внутренностей животных. Далее рассматриваются наименования, ограниченные в своем распространении.

Борошень

В некоторых говорах в значении 'внутренности, потроха птиц и животных' отмечено слово *борошень* (пск., новг., твер., смол.) [СРНГ 3, 118]. Гораздо чаще оно используется в диалектах как наименование каких-либо вещей: ср. *борошень* 'домашние вещи, пожитки, скарб' (яросл., волог., арх., сиб., свердл., енис.); 'разные мелкие вещи, сложенные вместе' (арх., камч., сиб.); 'дорожные вещи, багаж' (арх., волог., яросл., камч., сиб.), 'хлам, обноски' (арх., волог., яросл., свердл., сиб.) [СРНГ

3, 118–119]. Варианты с другим исходом основы — *бброшен* (ворон.), *бброшно* (курск., ворон.), *бброшина* (ворон.), а также субстантивированное прилагательное *борошное* (курск.) зафиксированы в значении ‘ржаная мука’ [СРНГ, там же]. Даль [I, 118] приводит торговый термин *борошня* ‘мучной товар’. В говорах эта форма известна как название корзины (смол.) [СРНГ 3, 119].

В значении ‘пожитки’ форма *борошень* встречается в памятниках XVII в. [Срезн. I, 154]. В более ранних источниках широко используются варианты на *-но*: цслав. *брашьно* и собственно рус. *борошьно* ‘мучное кушанье, пища вообще’ [Срезн. I, 176; 154].

Русское слово вместе со ст.-слав. *брашьно* ‘еда, кушанье’, болг. *брашино* ‘то же’, с.-хорв. *бра̀шино* ‘мука’, ‘пища’, ‘хлеб или другая еда в дорогу’, укр. *борошно* ‘мука’ продолжает праслав. **boršьno* [ЭССЯ 2, 212]. Значения ‘потроха’ и ‘вещи, имущество’ известны только русскому языку.

Слав. **boršьno*, в составе которого выделяют суф. *-ьно*, соотносят с гот. *barizeins* ‘ячменный’, лат. *farīna* ‘мука’ [Фасмер I, 196; ЭССЯ 2, 212]. Суффиксальный вариант **boršьнь* на *-нь* представляет собой собственно русское образование (ср. с тем же суффиксом рус. диал. *бблозень* < **bolzьno*). Можно думать, что данная основа, восходящая к и.-е. диал. **bhars-īn-* [ЭССЯ 2, 213], первоначально обозначала муку или некий продукт из зерна. На базе этого значения сложились семантические отношения ‘мука, мучное блюдо’ > ‘еда (в дорогу)’ > ‘дорожные вещи’ > ‘пожитки, имущество’ > ‘внутренности, потроха’ (ср. аналогичные семантические отношения в рус. *живот* ‘жизнь’ > ‘имущество’ > ‘утроба’; *мамон* ‘имущество’ > ‘живот’; *потроха* ‘внутренности’ > ‘пожитки’; польск. *bebeshy* ‘пожитки’ > ‘потроха’).

Избой, сбой. Выпорок, выпороток

Данные диалектные наименования с прозрачной внутренней формой сложились по модели ‘вычищать (выбивать, вырезать)’ > ‘то, что вычищается’ > ‘внутренности, потроха’.

Слово *избой* с регулярным вокализмом *-о-* отглагольного имени приобретает в вологодских говорах значение ‘внутренности животного, негодные в пищу’, ср. казан. *избойна* ‘отходы при молотье’ [СРНГ 12, 93–94]. В мясном производстве известно образование с другим префиксом — *сбой* ‘голова и ноги убитой скотины’, реже ‘гусак с рубцом, все черева’ [Даль IV, 140].

Подобная семантическая модель легла в основу диал. *вы́порок* ‘ливер’ [СРНГ 5, 331], *вы́пороток* ‘внутренности животного, негодные в пищу’ [Элиасов 84], производных от глагола *вы́пороть* ‘выпотрошить’ [Даль I, 305].

Коренец. Корешок

Как наименования внутренностей в диалектах выступают производные от *корень* — *корене́ц* и *корешо́к*. Слово *корене́ц* ‘потроха крупного рогатого скота’, ‘овечий ливер’, отмеченное в северо-западных говорах [СРНГ 14, 314], имеет структуру уменьшительного производного на *-сь*. Соответствующие славянские образования не имеют отношения к анатомической терминологии: ср. болг. *коренец* ‘корешок’, с.-хорв. *korijènac*, словен. *korèpec* то же, чеш. *kořenec* ‘пряник’ и др. [ЭССЯ 11, 65].

Название *корешо́к*, отмеченное в одном из поволжских говоров в значении ‘легкое, печень, сердце и горло убойных животных’ (сарат.) [СРНГ 14, 328], представляет собственно русский тип деминутивов с суф. *-ок* от старых основ на *-теп* (ср. *ремень* — *ремешок*, *гребень* — *гребешок* и т. п.).

Интерпретация внутренней формы данных названий может быть следующей: как известно, ливер убойного животного вынимается целиком через горло, так что внутренности остаются не отделенными друг от друга, вид их в какой-то мере напоминает разветвленный корень, а само движение — выдергивание растения с корнем. Такая ассоциация, основанная на внешнем признаке, может дополняться более глубоким сравнением метафорического характера: внутренние органы, подобно сокрытым от глаз корням растений, могут восприниматься как основа, корень жизни (ср. семантические отношения ‘жизнь’ > ‘то, что необходимо для жизни’ > ‘живот’).

Кнея

Для слова *кне́я* в псковских говорах отмечено оригинальное значение ‘часть внутренностей животных, подобная круглому пирогу’ [СРНГ 13, 343]. На основной территории оно не связано с обозначением внутренних органов и используется чаще всего как рыболовный термин: ср. *кне́я* ‘мотня невода’ (новг., пск., петерб., беломор., олон., арх., смол.), ‘рыбачья сеть’ (карел.), ‘мешок из сети для перевозки живой рыбы’ (пск.) [СРНГ 13, 343]. Тот же круг значений известен памятникам, на-

чиная с XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 7, 195]. Иначе это слово толкует Даль [Д, 124]: ‘отъемный лесок, лесной остров; охотничий гон или участок, захваченный облавою, сплошной кустарник, лесок’ (без указания ареала).

Примерно тот же разброс значений характеризует славянские соответствия: ср. польск. *knieja* ‘большая рыболовная сеть, невод’; ‘участок леса или зарослей, отведенный для псовой охоты’; ‘лесное или ботаническое угодье’; словин. *kńeja* ‘кустарник, чаща’ и др. [ЭССЯ 13, 199]. Употребление этого слова в значении ‘внутренности’ отмечено только в русских диалектах. В этимологической литературе слав. **књеja* рассматривается как производное с суф. *-eja/-ěja* от корневого имени **кѣтъ/ь*, продолжения которого сохраняются в западнославянских языках: польск. *kień* ‘пень, колода’, словин. *kno* ‘рукоять весла’ [ЭССЯ 13, 199; 205]. Праслав. **кѣтъ/ь* возводится к и.-е. **kī-*, семантика которого реконструируется как ‘разбухать’ [ЭССЯ, там же]. Признак набухания, округлости отчетливо просматривается в производных значениях ‘большая сеть, мешок’, ‘пень, колода’, а также, вероятно, — в метафорическом ‘часть внутренностей, подобная *круглому* пирогу’.

Площенник

Этим словом в ярославских говорах именуют вареный ливер — легкое, печень, сердце животного [Яросл. 10]. Структура и семантика данного регионализма совершенно прозрачны: оно произведено от *площенный* ‘сделанный плоским’, в свою очередь образованного от глагола *площить* ‘делать плоским’ [Даль III, 130; САР 4, 1159]. Название *площенник*, вероятно всего, отражает особенность приготовления ливера, которому придается плоская форма. Соответствия в других языках нами не обнаружены.

Прибор

В бассейне реки Урал отмечено слово *прибор* ‘голова, ноги и внутренности животного, убитого на мясо’ [Карт. СРНГ]. По всей видимости, здесь мы имеем дело со специализацией слова *прибор* ‘общность вещей, собранных в одно целое’, ‘набор принадлежностей для чего-л.’ (ср. бытующее выражение *суповой набор*, ‘набор костей, мяса и приправ для супа’).

Кокыш

Это этимологически трудное слово со значением ‘внутренности, потроха рыбы’ отмечено в районе Петербурга [СРНГ 14, 108]. Фонети-

чески близкие *кóкиши* и *кóкша* далеко отстоят от *кóкыши* в плане семантики. Первое из них характеризуется двумя значениями: 'крайний суставчик птичьего крыла' и 'палка, распорка у бредня' (симб.) [Даль II, 134]. Второе обозначает в говорах ряд предметов (орудий) неровной, изогнутой формы: ср. новг. 'крюк, поддерживающий потолок', волог. 'дерево, скрытое водою и замытое на дне реки...'; твр., калуж. 'навозные вилы с двумя зубьями', олон. 'железный молот...', 'мотыга' и др. [Даль II, 134; СРНГ 14, 108]. На севере этим словом называют шелуху, отходы льняного семени (волог. *кокша*), а также головки льна, отбитые от стебля и освобожденные от семени (арх., волог. *кóкиши* мн.) [СРНГ 14, 108]. Прояснить внутреннюю связь между *кокша* 'топор, мотыга' и *кокша* 'шелуха' позволяет сближение этого слова с глаголами *кóкшати* 'долбить' (арх.), 'рубить, копать' (олон.), (*у*)*кокóшить* 'бить, колотить кулаками', 'убить', *кóкшити* 'бить, лупить' (калин., волог., вят., перм., нижегор., тамб.), 'взрыхлять (землю)' (олон., новг., яросл., калин., КАССР), 'стаскивать с телеги навоз специальными вилами — *кокшей*' (калин.) [СРНГ 14, 108; Даль II, 134]. В одних случаях *кокша* — орудие, чем бьют, в других — то, что бьют (головки льна) и, наконец, — то, что выбивается, остается (отходы, шелуха). Вероятно, здесь мы подошли к пониманию внутренней формы петерб. *кóкыши*: как и некоторые другие названия внутренностей (особенно несъедобных), это слово могло сложиться по модели 'бить, вычищать' > 'то, что вычищается' > 'внутренности, потроха' (ср. *требуха, избой, выпорок*).

Направление поиска этимологических связей диал. *кóкыши, кокша* определяет предложенное Далем сближение этих слов с *кóкóва* 'резное украшение на коньке избы', 'деревянный молоток на долгом черенке...', 'клока', 'кочерга' и т.п. (новг., твр.); *кóкóрь, кóкóра* 'бревно или брус с корневищем, с коленом для судостроения', 'кокша на дне реки' [Даль II, 134]. Для этих образований восстанавливается исходная форма **kok-/ *koč-*, семантика которой определяется как 'нечто изогнутое, выпуклое': ср. с.-хорв. диал. *kôkorica* 'завиток', словен. *kokora* 'завиток, локон', болг. *кóчка* 'кочка', чеш. *koč* 'большая гора в Татрах' и т.п. [ЭССЯ 10, 106; 114]. Рус. *кóкыши* и связанное с ним *кокша* образованы от этой основы с помощью экспрессивного суф. *-ушь/-ъща*, привносящего, по всей видимости, пейоративный оттенок (о функциях данного суффикса ср.: [Sł. praśl. I, 79]).

Кукша

Слово *кукша* 'рыбьи потроха', 'желудок налима' (олон., карел.) [СРНГ 16, 49] объясняется Фасмером как заимствование из фин. *kupsu* 'рыбий

пузырь' [Фасмер II, 408]. Действительно, в данном случае, учитывая ареал и формальное соответствие, нельзя исключать возможность заимствования. И все же, на наш взгляд, есть основания для иного этимологического решения. В словаре Фасмера рассматривается только олон. *кукиа* 'потроха', в то время как данная лексема имеет в северных говорах ряд других значений: 'шелуха, скорлупа, кожура с орехов, злаков, плодов' (север.), 'шелуха конопляного или льняного семени' (арх., волог.), 'пальцы' (олон.). В других диалектах отмечаются значения 'рука без пальцев' (нижегор.) и 'железные вилы с загнутыми концами для стаскивания с телеги навоза' (калин.) [СРНГ 16, 49–50]. Выше рассматривалась возможность семантического перехода 'шелуха (то, что выбивается, выбрасывается)' > 'потроха' по отношению к слову *кокыш*. Можно предположить, что в основе *кукиа* 'потроха' — те же семантические отношения.

В ЭССЯ [13, 92] *кукиа* 'кулья, пальцы' включено в одну статью с семантически близким *кука* 'кулья, кулак; удар кулаком' < **kukosa* и рассматривается как производное с суф. *-osa* от основы **kuk-* 'не-что выпуклое, изогнутое', ср. болг. *кѹка* 'крюк', макед. *кука* то же, с.-хорв. *кѹка* 'крюк, кочерга', 'изгиб, поворот', рус. *кука* 'кулак, кулья', 'деревянный молот на длинной рукоятке' (пск.) [ЭССЯ 13, 87]. Слав. **kuka* родственно лит. *kaiikas* 'шишка', вместе с которым восходит к и.-е. **keu-k-*, **kou-k-* 'изгибать, искривлять; загнутое' [ЭССЯ, там же]. В некоторых славянских языках, в том числе в русском, отмечаются глаголы с той же основой: ср. рус. диал. *кѹкати* 'бить, колотить кого-л.' (пск., твер., яросл.), с.-хорв. диал. *кѹкати* 'затыкать, забивать', 'кастрировать, оскоплять'; 'ковырять в зубах' < **kukati* [ЭССЯ 13, 89]; рус. диал. *кѹкишити* 'бить кулаками' (пск., твер.), 'долбить' (карел.) [СРНГ 16, 50]; блр. *куксіць* 'бить кулаками', польск. *kuksac* 'биться на кулачки' < **kuksiti* [ЭССЯ 13, 92]. В свете этих данных можно предполагать, что рус. диал. *кукиа* 'потроха' — исконное образование, в основе которого лежит уже известная нам модель семантического развития: 'то, что выбивается, шелуха, отходы' > 'потроха' (ср. выше *кокыш*, а также *избой*, *выпорок*).

Вохат(ь)

Темным словом признается пск. *вохат(ь)* 'внутренности коровы, птицы' [СРНГ 5, 165]. Обращает на себя внимание его формальное сходство с арх. *вахоть* 'осадок, гуща, исподний, нечистый слой соли'; *ваховь* 'пенька, пакля', *вахотить* 'конопатить' [Даль I, 168]. Происхождение

последних также неясно [Фасмер I, 280]. Учитывая ареал данных диалектизмов, можно предполагать в них финно-угорские заимствования. Стоит, однако, вспомнить, что одной из основных причин трудностей при этимологизации регионализмов является фиксация в диалектных словарях сугубо фонетической записи слова, отражающей специфику местного говора. В данном случае фонетические особенности псковских говоров вполне, на наш взгляд, позволяют рассматривать форму *вóхат(ь)* как региональное преобразование — с протетическим *в-* (ср. диал. *вóрган* ‘орган’) и следами аканья — старого русского названия кишечника *óход* [Даль II, 773] < **xod-*. В качестве славянских соответствий можно привести польск. *odchód* ‘прямая кишка’, а также семантически близкие *okrażnica, przewód* ‘кишечник’ [Warsz. III, 575, 749; V, 241].

Явные заимствования в рассматриваемой лексической группе немногочисленны. Из германских языков пришло слово *лѳвер*, диал. *лѳвер* [СРНГ 16, 307], ср. нж.-нем., нидерл. *lever*, англ. *liver* ‘печень’; из финского — *максá* ‘потроха, печень рыбы’ < фин. *maksa* ‘печень’. В ряде случаев заимствования подверглись переосмыслению в соответствии с характерными для данной группы семантическими моделями. Такова судьба довольно распространенных в говорах лексем *бúтор*, *бúторь* ‘внутренности убитого животного, потроха’, а также ‘хлам, скарб, пожитки’ (моск., калуж., тамб., орл., курск., сарат.) [СРНГ 3, 312]. Предполагается, что диал. *бúтор* ‘пожитки’ заимствовано из финно-угорских языков (ср. венг. *bútor* ‘багаж’), возможно, при посредничестве укр. *бúтора* ‘дорожный скарб’ [Фасмер I, 253]. Значение ‘потроха’, по всей вероятности, развилось на русской почве в соответствии с продуктивной моделью ‘мелкие вещи, пожитки’ > ‘потроха’. Диал. *кабаргá* ‘внутренности животного, потроха’ (ворон.) [СРНГ 12, 282], по всей вероятности, является переосмысленным тюркизмом, ср. тур. *kaburga* ‘ребро’, туркм. *yarurga* то же [Фасмер II, 149]. Другой тюркизм — забайк. *бурдюк* ‘внутренности животного’ [Элиасов 70] < *бурдюк* ‘кожаный мешок’ < азерб. *burduk* ‘мех для вина’ [Фасмер I, 244]. Диал. *рахманки* ‘съедобные внутренние части рыбы (печень, икра, молоки и пр.)’, ‘несъедобные внутренности у рыбы’ [Донск. 3, 89], по-видимому, происходит от прилагательного *рахманный* с таким же разбросом значений: с одной стороны — ‘пышный, красивый, полный’, с другой — ‘расхожий’, ‘плохой’ [там же] Само *рахманный* предположительно связано с греч. *βράχμανοι* ‘брахманы’ [Фасмер III, 449].

***

Итак, анализ показывает, что данная лексическая группа представлена названиями разной хронологической глубины. Наиболее древние термины с обобщающим значением 'внутренности' восходят к праславянской основе **otr-/*ętr-*, семантика которой восстанавливается как 'внутренняя часть, внутренности, утроба' (*утроба, утрьник, нутро, внутренности, ятра*). Праславянским (и общеславянским) анатомическим термином является **terbъxъ / *tъrbъxъ*, на большей части славянской территории известно как обозначение живота. Значение 'внутренности, trebuха' это слово развивает лишь в восточнославянских языках. Распространение древнего *ксень* < **къsenъ* ограничено севернославянской территорией (польск. *ksieniec*, чеш. *ksenec*, полаб. *t'ěsin* и др.). Старое название ливера *осердь* < **serd-/*sъrd-* имеет анатомические соответствия в польском (*osierdzie*) и чешском (*osrdí*) языках. Русско-польскую изолексу образует основное для русского языка название внутренностей животных *потрох(а)* < **trox-* (польск. *patrochy*). Остальные наименования сложились на русской почве в результате переосмысления ряда древних основ, т.е. представляют собой собственно русские семантические новообразования.

Наиболее типичными для изучаемой группы можно признать следующие семантические модели:

- 'живот, утроба' > 'внутренности': *брюха, животы, черева* и др.;
- 'то, что вычищается, отходы' > 'внутренности': *требуха, избой, выпорок* и др.;
- 'мелкие предметы, мелочь' > '(мелкие) внутренности': *потроха, падробки, мелузь*;
- 'вещи, пожитки, еда' > 'внутренности': *борошень* и др.

Характерно также метафорическое переосмысление названий, основанное на внешнем или функциональном признаке, ср. *гусак, корешок, кнея*.

Структурный анализ показывает, что в образовании древних наименований внутренних органов довольно активно участвует формант *-r-*, вообще характерный для соматической лексики, ср.: *ятра, ядра, нутрѡ, нутрь, нутрѣ, нутерь, нутир* и др. Несколько старых названий содержат суффиксальное *-x-*, ср.: *брюха, требух(а)*. Путем сочетания форманта *-j-* (обычно привносящего значение собирательности, ср. *ксень*) с префиксом *o-* образован целый ряд русских терминов, указывающих на расположение органа или части тела: *осердь, очеревье, огузь, обочье, ощечье* и т.п. Данная модель известна и другим славянским

языкам: ср. польск. *osierdzie* 'орган в области сердца', с.-хорв. *obistje* 'область почек'. В образовании поздних обозначений внутренностей активно участвуют суффиксы *-ин/-ен-*: *брюшина, trebuшина, нутрина, пуздровина, брюховеня, нутреня* и др.

Групповой способ исследования материала позволил лучше понять общие организующие принципы изучаемой лексики, а следовательно, точнее интерпретировать структуру и семантику каждого слова на фоне соответствующих характеристик всей группы в целом. Определение общих закономерностей развития типичных для данной лексики морфологических и семантических моделей помогло уточнить генетические связи ряда наименований (*требух/а, потрох/а, кокыш, кукуша* и др.), а также дало возможность выявить наличие этимологических синонимов — основ со сходной первичной семантикой, напр. *потроха* и *падробки*.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС = *Словарь современного русского языка*, т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.
- Брокг.-Ефр. = Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. (изд.), *Русский энциклопедический словарь*, т. 1–86. СПб., 1890–1907.
- Вейсман Э., 1731: *Немецко-латинский и русский лексикон кутно с первыми началами русского языка*. СПб.
- Гринченко Б.Д., 1907–1909: *Словарь украинского языка*, т. 1–4. Киев.
- Даль В.И., 1880–1882: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4. 2-е изд., СПб.; М.
- Дм. = *Книга называемая Дамострой*. Памятник XVI в. из собрания Музея книги (Москва).
- Донск. = Валосинская З.В. и др. (сост.), *Словарь русских донских говоров*, т. 1–3. Ростов-на-Дону, 1975–1976.
- Карт. СлРЯ XI–XVII = *Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв.* (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва).
- Карт. СРНГ = *Картотека Словаря русских народных говоров* (Петербургское отделение Института языкознания РАН).
- Куркина Л.В., 1988: Слав. *terbuxъ / *тъrbuxъ, in *ОЛЯ 1984*. Москва, 273–277.
- Новосиб. = Федоров А.И. (ред.), *Словарь русских говоров Новосибирской области*. Новосибирск, 1979.
- Порохова О.Г., 1988: *Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах*. Ленинград.
- Преобразж. = Преображенский А.Г., *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–2. Москва, 1910–1914.
- САР = *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный*, т. 1–6. СПб., 1806–1822.

- СлРЯ XI–XVII = Бархударов С.Г. и др. (ред.), *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1–27–. Москва, 1975–2006.
- Соболевский А.И., 1913: Из истории русского словарного материала, in *РФВ*, т. 70, Варшава, 88–89.
- Срезн. = Срезневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ = Филин Ф.П. (ред.), *Словарь русских народных говоров*, т. 1–41–. Л., 1965–2007.
- Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка* (Перевод и дополнения О.Н. Трубачева), т. 1–4. Москва, 1964–1973.
- Целлар. = Геллгергоф М.Ф. *Российский Целлармус, или Этимологический Российский лексикон*. Москва, 1771.
- Элиасов Л.Е., 1980: *Словарь русских говоров Забайкалья*. Москва.
- ЭССЯ = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 1–34–. Москва, 1974–2004.
- Яросл. = Мельниченко Г.Г. и др. (ред.), *Ярославский областной словарь*, вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Brückner A., 1927: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Намп Е.Р., 1984–1985: Slavic **otrь-br'ixъ* in *Зборник за филологију и лингвистику*, XXVII–XXVIII. Нови Сад, 88–89.
- Mikl. = Franz von Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
- Śl. prasl. = Sławski F. (red.), *Słownik prasłowiański*, t.1–4–. Wrocław etc., 1974–1981.
- Śl. stp. = Urbańczyk S. (red.), *Słownik staropolski*, t. I–XI. Kraków, 1953–2002.
- Warsz. = Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., *Słownik języka polskiego*, t. 1–8. Warszawa, 1900–1927.

E-mail: viktorija.usinskiene@gmail.com

Август 2010 г.

VIKTORIJA UŠINSKIENE

Russian Nomenclature of Human and Animals' Interior Organs (an attempt of a reconstruction of a lexical group)

In the last decades, the development of historical and comparative linguistics has been characterized by a special emphasis on lexics. Different lexical groups are being inspected in Slavonic linguistics as the subject of diachronic analysis. Uninsufficiently investigated is the dialectic nomenclature dealing with the names of interior organs of living organisms. In this article a group of common names of interior organs was chosen as the subject of research. The sources of the investigation were: V. Dal's Dictionary, Dictionary of Russian Dialects, regional Russian dictionaries, and some

Old Russian texts. The following tasks were solved: to stratificate the material chronologically in order to establish its relative age; to discover the principles of nomination, and to investigate the possible directions of semantical transformations inside this lexical group. The results of this research show that the investigated terminology group is presented in anatomical terms of different chronological depth: of Indo-European, Proto-Slavonic, Eastern Slavonic and Russian origins. All of the words are polysemantic, only some lexemes correlate precisely with a certain organ. Most of them are of second meanings, and have formed as a result of semantic transformations of not only Slavonic names, but also of words borrowed from other languages. The latest terms reflect the stability and productivity of several ancient semantic models.